

Псковские споры

В. О. Ключевской. Сочинения в восьми томах.
Том VII. Исследования, рецензии, речи (1866-1890)
М., Издательство социально-экономической литературы, 1959
[OCR Бычков М. Н.](#)

ОГЛАВЛЕНИЕ

- I. Русское церковное общество в XV в.
- II. Псковское церковное общество в XV в.
- III. Спор с владыкой
- IV. Спор с латинами
- V. Богословский спор
- VI. Литературная полемика

I. Русское церковное общество в XV в.

Предпринимаемый рассказ имеет предметом некоторые явления, относящиеся к истории русской мысли. История русской мысли и именно мысли древнерусской, наверное, покажется несколько изысканным выражением, фразой, неточно передающей свое содержание: скажут, явления, которые под нею разумеются, дают материал только для истории русского усвоения чужой мысли, ничего не прибавившего к содержанию последней, кроме разве ошибок и искажений. Но одними новыми вкладами в умственный капитал человеческой образованности не ограничивается история мысли: она есть вместе и история мышления, формального развития народной мысли в работе над готовым чужим материалом. В этом отношении история русской мысли дает много для объяснения русского народного характера, склада народного духа.

Следовательно, есть научный интерес и в истории русской мысли. Этот интерес увеличивается своеобразными чертами, обнаружившимися в развитии русского мышления. С наибольшим напряжением и в продолжение очень долгого времени исключительно это мышление работало в области церковных предметов. Если в памятниках русской литературы, сюда относящихся, откинем чуждый по происхождению материал, перед нами останутся два элемента, характеризующие деятельность русского ума: это духовные вопросы, преимущественно занимавшие его, и приемы, им усвоенные при их разрешении. Рассмотрев характер этих вопросов и приемов, найдем, что умственная область, к которой с особенной любовью обращалась русская мысль в продолжение многих столетий, была церковно-нравственная казуистика. При случае, хотя и по чужим образцам, древнерусский книжник умел оказать много хорошего о значении женщины в христианстве, не делая и намека, что в ее природе находит что-либо непримиримое со спасением. Но он в смущении останавливался пред какой-нибудь подробностью, например перед вопросом: "Можно ли священнику служить в одежде, в которую вшит женский плат?" Как будто путем своих общих христианских понятий о женщине задавший этот вопрос не мог добраться до ответа, ему данного: "А разве женщина погана?" Наоборот, в других случаях он умел делать очень смелые логические шаги и широкие обобщения. Он без труда решал, почему надо хоронить мертвеца не по закате солнца, а когда оно стоит еще высоко, потому что "покойник видит тогда последнее солнце до общего воскресения" (*Вопросы Кирика*). Подняться до цельного и стройного религиозного мировоззрения в духе и истине слова божия древнерусский человек не чувствовал себя в силах, сколько можно судить по его литературе; во внутренний смысл вопроса он вникал с трудом и неохотно, зато какая-нибудь внешняя подробность этого вопроса, приложение его к тому или другому практическому случаю -- это могло приковывать к себе древнерусский ум с неотразимою силой. Вступая в мир религиозных понятий, он обращался прежде всего к этим отдельным случаям, мелким казусам, и на них способен был развить